

Н. Н. Суворов

Собирать и рассеивать: архитектура культурного пространства

Архитектоника культурного пространства подчиняется закономерностям, и его движение направляется интенциями. К таким интенциям возможно отнести собирание и рассеивание, которые произвольно и свободно концентрируют и разводят пространство культуры, направляя его к основным центрам освоения. Пространственная протяженность дополняется разнообразной темпоральностью. Выделено культурное пространство субъекта, подчиненное личным интересам и особенностям собственного мирообразования. Событийная определенность фиксируется поименованием. Благодаря событию время обнаруживает структуру, наполненную разнонаправленными интенциями. Главные из них: направленность к субъекту, направленность на бытие и направленность на собственную природу – на событие. Социальное пространство, в отличие от культурного, отличается радикальностью. Поэтому его основные интенции определены как разрезание и сшивание.

Ключевые слова: пространство, время, культура, субъективность, собирание, рассеивание, разрезание, сшивание, темпоральность, артефакт, центр, периферия

Nikolay N. Suvorov

Collect and scatter: the architectonics of cultural space

The architectonics of the cultural space obeys the laws and its movement is guided by intentions. Such intentions may include gathering and scattering, which arbitrarily and freely concentrate and dilute the space of culture, directing it to the main centers of development. Spatial extension is complemented by a variety of temporality. The cultural space of the subject, subordinated to personal interests and the peculiarities of its own world formation, is highlighted. Event certainty is fixed by naming. Thanks to the event, time discovers a structure filled with multidirectional intentions. The main ones are: focus on the subject, focus on being and focus on one's own nature – on the event. The social space, unlike the cultural one, is radical. Therefore, its main intentions are defined as cutting and stitching.

Keywords: space, time, culture, subjectivity, gathering, scattering, cutting, stitching, temporality, artifact, center, periphery

DOI 10.30725/2619-0303-2023-1-57-62

Пространство культуры имеет протяженность, наполненность собственным содержанием – событиями культуры и артефактами. Неоднородность культурного пространства очевидна, это свойство и является причиной активной подвижности. В его формировании участвует множество факторов, ведущих к изменениям и оказывающих влияние на образование и преобразование культурного поля.

Силы, направленные к условному центру, несут смыслы и ценности, становящиеся строительным материалом пространственных перемен, собирают элементы культурных эпистем и образуют, в свою очередь, новые очаги собирания и рассеивания. Центром культурного пространства, местом сборки выступает собранность ценностей и смыслов данной культуры. Понятие собранности достаточно условно и определяется ведущей эпистемой, имеющей ценностно-смысловое содержание,

которая, в силу своей целостности, затягивает в свою орбиту. Центром собирания способен выступать как отдельный, так и корпоративный субъект. Из этого следует, что мест сборки культурного пространства существует множество и они обладают разноразмерным объемом.

Культурное пространство пронизывают силы тяготения и отталкивания, в нем наблюдаются различные влияния, направленные на две основные интенции – собирание и рассеивание. Близость культурных интенций с древними практиками земледелия не случайна.

Исследование культурной среды выступает в концептах и воображаемых моделях индивидуального сознания, стремящегося сформировать устойчивое представление об исторической эпохе. Но концепты и воображаемые модели способны выступать в виде групповых представлений, определяющих стиль времени, образ мышления и

поведения, что было свойственно, например, гуманистам итальянского Возрождения [1; 2]. Собранный объем ценностной и смысловой информации концентрируется в воображаемом пространстве отдельных экзистенций, закрепляется в созданных нарративах, текстах и произведениях искусства, но также способен распределяться во множестве иных интеллектуальных пространств, находящихся в коммуникативной близости и определять стиль эпохи. Например, стили Людовика XVI, елизаветинское барокко, русский Серебряный век.

Силы, идущие от центра (центропритягательные), напротив – рассеивают культурное пространство, направляют к периферии, к возможным секторам сопряжения. Например, притягательность и распространение идей европейского авангарда оказывало активное влияние на творчество многих художников, в том числе академистов; влияние идей и образов сюрреализма акцентировало внимание на бессознательном или обращалось к стилистике абсурдизма. Действие рассеивания обретает форму заимствования, подражания, обучения и продолжения традиций.

Культурное пространство – это бурлящая среда, в которой не всегда ясно выявлены основные течения. Культурные ориентации способны гибко приспособляться к актуальным направлениям мысли, искривляться под натиском социальных событий, попадать под влияние модных идей и авторов актуальных нарративов. Пространство культуры выстраивается по контурам силовых линий, начинаясь в базовых этнических и исторических основаниях, колеблясь в силовых притяжениях памятников культуры и общего состояния поля, наконец, преломляясь в культурном пространстве субъективного.

Культурное пространство субъекта менее всего устойчиво и колеблется под влиянием конкретных жизненных обстоятельств. Однако субъективное культурное поле в отдельных случаях способно выступать автономным и независимым центром культурного пространства, несмотря на социальное осуждение и давление власти. Именно в пространстве субъекта осуществляются творческие взрывы и планомерное создание культурной новизны. Тем не менее состояние субъективности характеризует общее состояние поля. Ориентирами субъекта могут являться привычный образ жизни, специфика деятельности, уро-

вень образования, личные предпочтения, но главное – простор свободы. Перефразируя П. Бурдьё, исследовавшего в большей мере социальное пространство, отметим выделенное им «присвоенное пространство», которое выступает как утверждение и осуществление власти, как «символическое или не замечаемое насилие». Так, архитектурные пространства организуют образ жизни и способы существования телесного в городской среде, его подчинение, являются символическим выражением власти [3, с. 52]. Следует добавить, что архитектура формирует культурное пространство, оказывающееся порой оппозиционным, и формирует скорее субъективное культурное пространство, соединяет палимпсесты историко-культурных слоев городской архитектуры и становится альтернативой культурного конформизма. Так, образ Санкт-Петербурга в поэзии Н. Гумилева превращался в свободную метафору, независимую от социального контекста культурного времени.

Возможно определить структуру культурного пространства, но только относительно конкретного временного среза. Время способно растягивать и сужать пространство культуры, награждать подвижной длительностью, усиливать пластичность и замыкать вещественной данностью.

В свою очередь культурное время обладает достаточной свободой, несмотря на свою онтологическую причастность к общей природе времени, неразрывно связанного с пространством. Культурное время автономно и, на наш взгляд, может, как совпадать с пространством культуры, двигаться ему в унисон, соединяя свое течение с общим строением культурного пространства, так и длиться самостоятельно и независимо – ускоряться или замедляться, выхватывать из прошлого культурные фрагменты: представлять ретрокультуру в панораме современности или конструировать образы и смыслы, взятые из иных пространственных секторов культуры, иногда вымышленных.

Так возникают иллюзии культурного пространства, к которым относятся, например, идеи Просвещения, которые можно свести к главным принципам: господство веры в безграничную силу разума; идея универсальности человеческой природы; вера в возможность создания логически обоснованной системы законов взамен скопления заблуждений и предрассудков;

уверенность в общем прогрессе по мере просвещения людей и усовершенствования их нравов; возможность применять законы неживой природы для объяснения человеческих отношений. Эти иллюзии были опровергнуты еще немецкими романтиками.

Пластичность культурного пространства дополняется процессами смешивания, добавления иных пространственных координат с помощью внесенных временных потоков. Культурное время находит возможность прорыва пространственных преград и устремления в образовавшиеся пустоты, вызывает ностальгию по минувшему или сочувствие к его трагическим последствиям. С одной стороны, на него воздействует мемориальная память, ориентированная на прошедшие события, с другой – смелая фантазия, обращенная к небывалому, использующая исторические нарративы как произвольный строительный материал. Как память, так и воображаемое, становятся каналами устремления информации и процессов моделирования, участвующих в создании измененного пространства.

Так, в культурной среде Серебряного века в общем активном поиске возможных путей дальнейшего движения отечественного социального и культурного развития, было актуальным обращаться к прошлому: античной и средневековой истории (романы В. Брюсова, Д. Мережковского). Культурное время, «внутривременность» – способно отставать и обращать культурную среду к ландшафтам прошлого – разочарованиям памяти или мумиям былой славы, к воображаемому путешествию среди минувших событий. Культурное время способно устремиться в будущее, формировать в различных секторах пространства проективные концепты и образы. Например, установка на будущее была характерна для русского космизма и художественного авангарда.

Подвижное пространство культуры направляется векторами различных сил. В нем нарастают флуктуации, как случайные, проходящие почти без следа, как опыт отдельных биографий, так и яркие взрывы, вызванные закономерными процессами итоговых перемен. «Возмущения» культурного времени возникают с различной силой и существуют в различных темпах, ускоряя или замедляя временение событий, концентрируя или распыляя смыслы.

Событие культуры, таким образом, становится единицей отсчета культурного

пространства и соединяет поля культуры под общим знаком ценности и смысловой определенности.

Но возникает вопрос, как события себя определяют, каким образом они «вырисовываются» на фоне изменчивого пространства и текущего времени – поскольку «сила события стремится смысл за его собственные пределы» [4, с. 511]. Вариативность смыслов и ценностей событий становится предметом интерпретаций. Контуры события способны обозначаться яркой линией на общем фоне повседневности, отбрасывать свет на последующие события, но могут выделяться только слабым, едва заметным пунктиром. Так, праздник или катастрофа разрывают последовательность повседневности, сминают поверхность пространства, а счастливая встреча двух людей или трагическая потеря близкого человека становятся скачком времени, разрывом привычной последовательности и, возможно, резким изменением культурного пространства субъективности. Мир начинает казаться другим, поскольку сам субъект переживает изменения. Мир субъективного преломляется в гранях события. Целокупность события определяется внутренней архитектурой, всеобщей связанностью явлений и дополнением части до целого. Из этого, по словам М. Хайдеггера возникает субъективный «набросок мирообразования» [5, с. 421–433].

Событие культурного пространства возможно рассмотреть в его потенциальной бесконечности. Если событие включено в жизненный мир многих субъектов, то тогда его складки протягиваются сквозь многие судьбы. Но событие способно быть глубоко личным – и этого вполне достаточно, чтобы рассматривать содержание события, как включающее в себя различные оценки, смыслы и интерпретации. События расширяют культурное пространство разнородной мозаикой. Например: событие защиты диссертации содержит ценность утверждения достижений в науке, ценность измененного статуса личности, ценность удовлетворенного сознания, ценности социального и корпоративного внимания. Все эти ценности, в свою очередь, разделяются на более частные, которые раскрываются в многообразии субъективных оценок и переживаний участников события. Субъективность «набрасывает» сеть ценностей и смыслов на событие и меняет его конфигурацию. Событие, таким образом, протекает в раз-

личных режимах культурных пространства и времени.

Собирание и рассеивание события осуществляется «в близости присутствия» как множественность оттенков существования. Событие содержит потенциальную возможность множественного проявления личности и ее участия. Событие – как аккорд, составленный из различных звучаний.

Слова оформляют событие. Вербализация, превращение события культуры в нарратив, выступает своеобразной «упаковкой», способом бытия события. «Покоящийся в событии сказ есть в качестве указывания собственной способностью события» [6, с. 377]. Вербальное выражение события содержит смысловое соответствие, поскольку снятая упаковка может быть не тождественна содержанию, передавая только конвенциональную форму высказывания. Упаковка может быть мягкой и неопрятной, подобна неуклюжему описанию события, но может быть расцвечена дополнительными украшениями и перевязана цветной ленточкой для большей убедительности. «Подать» событие культуры, ввести его в вербальный оборот – это умение о нем ярко и емко рассказать, преобразить для слушателя. Для своего именованного события должно быть выхвачено из потока культурного времени, наречено, определено его начало и окончание, выявлено его макро- и микрозначение – для социума и для субъекта. Поименованное событие зависает на нитке времени, условно останавливается в своем развитии – мы рассматриваем засушенный гербарий, в который превратились события памяти. Память коллекционирует события, формирует «памятность», выделяет и акцентирует внимание по принципам близости, контраста или смежности. Любопытно, что наблюдатель может упустить дальнейшее движение происходящего, поскольку он исследует остановленное, вербально зафиксированное событие, в то время как реальность успевает ускользнуть и видоизмениться. Нарратив всегда запаздывает и сообщает об уже случившемся.

Событие всегда длится, соединяет две разновеликие длительности – проживание и бытие. Исключением выступает иконописная традиция, в которой события, растянутые во времени, изображаются одновременно, симультанно. Так, в иконописной трактовке события: «Усекновения головы Иоанна Предтечи», являющегося важнейшим событием христианской исто-

рии, изображением непосредственной казни Иоанна. Важнейшим в иконописи выступает именно событие в его символическом значении, а не в длительности происходящего. «Всякое имя схватывает именно остановившуюся вещь... Мир живет великими замороженными. Все высвечено замеченными или незамеченными молниями. Все как бы сфотографировано» [7, с. 85]. Возможно, в иконописи нашло свое выражение религиозное представление о времени, как условно длящемся. Для человеческой жизни – время длится, для вечности – время неподвижно.

Культурное время в средневековье складывается из времен, отведенных для жизни и для смерти. Ле Гофф указывает, что с окончательным оформлением идеи Чистилища примерно с 1170 по 1220 г. и ее официальным утверждением на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 г. в устроениях христианского мира произошли глубокие изменения. Осуществился поворот к индивидуальности, прерогативы которой признаются не только в земном, но и потустороннем мире. Очистительное покаяние, паломничество к Святым местам при жизни и заупокойные молитвы и жертвования после смерти могли сократить срок пребывания в Чистилище, уменьшить мучения от очистительного огня и ускорить переход в Рай. Так, продолжительность пребывания в Чистилище, по мнению Фомы Аквинского, зависела от тяжести проступков, которые нужно было искупить, а также от усердия живых, которые своими молитвами могли сократить срок пребывания умершего в Чистилище. Время очищения, подобно времени земной жизни, приобретало двойное измерение. На коллективном уровне это было время, длящееся до конца света, а на индивидуальном уровне – от момента смерти до конца очищения и перехода в Рай. «Время Чистилища – это время изменчивое, фрагментарное, разделенное на неравные по протяженности отрезки» [8, с. 118]. Сделанные в XII в. переводы трудов Евклида ввели в европейской ученой культуре новые математические понятия и создали условия для рассуждений о пропорциональности периодов жизни и возможных сроках пребывания в Чистилище. Евклидова геометрия повлияла на представления о культурном пространстве, событиях субъекта и человечества. Качество и длительность времени субъективности становятся предметом дис-

куссий, ведомых церковью с прихожанами и корпорациями.

Событие препарирует время, раскладывает его на составляющие. Событие можно исследовать в различной временной последовательности. Время разделяется по своему содержанию. Благодаря событию время обнаруживает структуру, наполненную разнонаправленными интенциями. Главные из них: направленность к субъекту, направленность на бытие и направленность на собственную природу – на событие. Событие отстаивает свою значимость и претендует на универсальность. Субъективное время произвольно и подчинено прихотям частного поведения, бытийное время связано с макрособытиями социума и культуры. В свою очередь событие «повисает» на нитке времени, скользит по ней и обрывается при своем окончании.

В движении события обнажаются элементы времени, его темпоральность. Событие и время находятся в постоянном взаимодействии. Время способно убежать от события, помещать его в воображаемое безвременье, превращать в гербарий воспоминаний, который можно произвольно перебирать и перелистывать. В свою очередь, событие способно остановить время, прорезать в нем символические дыры или шить различные временные длительности.

Процесс рассеивания события осуществляется во множестве отдельных существующих. Поэтому событие способно рвать культурное пространство или оставлять на нем трещины. Чем больше самобытных индивидуальностей в социуме, тем быстрее он рвется на отдельные очаги неповторимой активности, обостренной собственной темпоральностью. Отечественный неконформизм 1980–1990-х гг. оставлял неизгладимые трещины в советской культуре, разрушал иллюзорный социальный монолит, показывал его искусственность и неустойчивость. И в итоге приблизил его естественный конец. Творчество отдельных художников-неконформистов приблизило распад советской державы. Партийная номенклатура интуитивно чувствовала исходящую от независимых художников опасность и регулярно закрывала выставки, запрещала их свободные обсуждения, но трещины сомнений и активного несогласия разрушали неустойчивое социальное пространство.

Разрывы социального пространства могут выглядеть как ровные порезы. Раз-

резание острым предметом становится не только разделением на части какой-нибудь вещи или тела, но представляет собой архетипическое действие, уходящее в историю человечества как постоянная, повторяющаяся практика. Можно предположить, что огромное количество и многообразие орудий, созданных для разрезания/разрубания (ножей, кинжалов, мечей, сабель, копий, алебард, ножниц и т. п.) было не только средством военных сражений и убийств, но также превращалось в привычные предметы социальных манипуляций – реального и символического разрезания пространств субъективного и корпоративного миров. Если интенции культурного пространства – это собирание и рассеивание, то интенции социального пространства – разрезание и сшивание. Социальность содержит потенциальные смыслы решительных разделений и разнородных соединений. Социальное пространство как поверхность разделяется и раскраивается на секторы, наполненные порой противоречивыми ценностями. Действа символического разрезания, равно как и орудия, закрепились в образной структуре национальных традиций, языков, мифологических сюжетов и привычных переносов универсальных смыслов в иные области: «Семь раз отмерь, один раз – отрежь»; разрубить Гордиев узел; у некоторых народов обычай разрезания пут у детей и многие другие, связанные с внутренней перекройкой или освобождением от искусственных ограничений.

Представляется, что традиционные культуры стремились к целостности, и следы разрезов и швы соединений камуфлировались обычаями и шлифовались традицией. Для культуры XX–XXI вв. разрезание пространства превратилось в откровенный дискурс, выраженный в произведениях Пикассо, Татлина, Фонтана, Миро и многих других. Следы символического разрезания остаются на многочисленных артефактах и произведениях современных художников: нарочитый кракелюр на керамических скульптурах Александра Задорина, разрезы на холстах Валерия Лукки, коллажи и ассамбляжи Вадима Войнова, коллажные вставки, соединяющие фото и живопись на картинах Анатолия Белкина. К процессу разрезания добавляется операция кройки по реальной или образной мерке. (Усекновение головы Иоанна по форме блюда.) Раскрой социального пространства, его символическое протыкание, сшивание

или латание прорех осуществляются, например, как компенсация, социальная мимикрия, принуждение к конформизму и образно выглядят как «лоскутное одеяло», прикрывающее мир субъективности. Швы мироустройства остаются как неизгладимое воспоминание о былой целостности.

Очевидно, что аналитический интерес сосредоточивается на различных секторах культурного пространства и распределяется по степеням временных пассивности и активности, смещаясь то к полюсу социального взаимодействия, то к полюсу субъективности. Темпоральность выступает как проживание временности и нацеленности субъективного в его бытии и мироустройстве. Телеология субъективного бытия определяет место в культурном пространстве. Цели собирают разноликую поверхность в фокусы предпочтений, наделяют деятельность энергией. Какие же особенности культурного времени следует выделить и возможно ли определить его структуру? Одной из качественных характеристик культурного времени выступает его ценность, и эта ценность определяется главной ценностью – ценностью самой жизни. В то же время существуют обстоятельства, когда эта главная ценность может обесцениться или стать анти-ценностью, если параметры жизни опускаются ниже ценности существования, и тогда смерть становится возможным убежищем.

Культурное время определяет качество культурного пространства, но и его постоянные колебания – темпоральность, вносят момент неопределенности, взвешенности культурных ценностей, их исчезновение. Культурное пространство поэтому не обладает не только пространственной однородностью, но и временной последовательностью.

Присутствие перед лицом будущего культуры концентрирует свою природу, которая обозначается во временении событий, их длительности, в темпоральной подвижности смыслов и ценностей. Присутствие выступает как самоосуществление, которое раскрывается в векторах и темпах времени, в соотношении с культурным пространством. Измерения времени находятся в отношениях взаимной коррекции, перехода от культурной временной протяженности (Ф. Бродель) к «экзистенциальному беспокойству» (М. Хайдеггер). Властная симуляция устойчивой иллюзии культурного постоянства лишь «временщик», но он недолговечен, а границы интеллектуальной

продуктивности очерчиваются культурной практикой, постоянно расширяющей культурное пространство – время утверждает временность.

Ментальное пространство, которое усложняет и расширяет пространство культуры, порождает особую темпоральность, пульсирующую в интенсивном потоке ображаемого. Здесь мечтательность и креативность утрачивают определенность, выступая иллюзорным миром, необходимым для реального творчества.

Список литературы

1. Баткин Л. Б. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. Москва: Наука, 1978. 199 с.
2. Баткин Л. Б. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. Москва: Наука, 1989. 270 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва: Ин-т эксперим. социологии; Санкт-Петербург: Ист. кн.: Алетейя, 2005. 288 с.
4. Грякалов А. А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. Санкт-Петербург: Наука. 2019. 567 с.
5. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир–конечность–одиночество. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. 590 с.
6. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 359–378.
7. Бибикин В. В. Собственность. Философия своего. Санкт-Петербург: Наука, 2012. 536 с.
8. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. Москва. Прогресс. 2001. 439 с.

References

1. Batkin L. B. Italian humanists: style of life, style of thinking. Moscow: Nauka, 1978. 199 (in Russ.).
2. Batkin L. B. Italian Renaissance in search of individuality. Moscow: Nauka, 1989. 270 (in Russ.).
3. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint-Petersburg: Historical bk: Aleteyya, 2005. 288 (in Russ.).
4. Gryakalov A. A. Topos and subjectivity. Evidence of approval. Saint-Petersburg: Science. 2019. 567 (in Russ.).
5. Heidegger M. Basic concepts of metaphysics. Peace-finiteness-loneliness. Saint-Petersburg: Vladimir Dal, 2013. 590 (in Russ.).
6. Heidegger M. The path to language. Heidegger M. Time and being: art. and speeches. Saint-Petersburg: Nauka, 2007. 359–378 (in Russ.).
7. Bibikhin V. V. Ownership. Philosophy of his. Saint-Petersburg: Nauka, 2012. 536 (in Russ.).
8. Le Goff J. Medieval world of the imaginary. Moscow: Progress, 2001. 439 (in Russ.).